

ные библиотеки. Общение в виртуальном пространстве посредством Интернета и мобильных телефонов выполняет функцию социализации. Информационно-отражательная способность социальной системы приводит к новым формам детерминации поведения при помощи социальной информации. Общество, выступающее как адаптирующая система, приспособливает среду обитания к своим потребностям и само приспособливается к изменяющейся среде обитания.

Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В.Никуличева// Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С.Гуревича. - М., 1988. - с. 330.
2. Щеглова С.Н. Использование интернет-технологий в преподавании социологических дисциплин // СОЦИС. – 2002. – № 4. – С. 130–134.
3. Маклюэн М. Средство само есть содержание [Электронный документ] Режим доступа <http://ncdo.levsha.ru/Pub/028D.htm>

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Д. Эйдуkene

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Литва

В социальной и политической теории мы не найдем единого понятия гражданского общества. В течение нескольких столетий сформировалось многообразие пониманий этого феномена, непосредственно связанных с разными интеллектуальными традициями и разным социальным и политическим контекстом. Вопрос понятия гражданского общества особенно важен для стран постсоветского пространства с ситуационно-аналитических позиций. Вполне оправдано заметное стремление и возможность опереться на реальный опыт демократии Запада. Но так называемые страны «молодой демократии» должны скорректировать степень универсальности применения классических идей гражданского общества, потому что контроверсии, созданные «демократическим транзитом», их вынуждают к этому.

Это обстоятельство заставляет ученых глубже изучать понятие гражданского общества с целью избавиться от возможных стереотипов и установить тенденции его трансформации в условиях модернизации государства и общества. Тем более, что в нашем бывшем общем государстве до 8-ого десятилетия XX в. гражданское общество было как будто на периферии рефлексии демократии. Таким образом, концепция гражданского общества должна выкристаллизоваться из бытия определенной нации, из взаимосвязей ее политических и культурных начал.

Более того, проблема актуальна и в том отношении, что государство способно стать правовым и демократическим только при двух условиях: насколько 1) активным является гражданское сообщество, и 2) сколько объединяющих интересов находят его составляющие группы [1, с. 8]. На практике это означает потребность в новом качестве общества, которое было бы способным создавать такое государство, какое ему нужно и было бы способным требовать такую власть, которая удовлетворяла его надежды и чаяния. Речь идет о жизнеспособном гражданском обществе, которое смогло, во-первых, контролировать власть, во-вторых, желало и было бы способным действовать коллективно во имя общего блага, вместо того чтобы отдать все функции государству. Словом, необходим настрой граждан брать ответственность за судьбу собственного государства и умение мобилизоваться независимо от государства.

Потенциал общества, ростков которого ищем, требует понимания гражданского общества, кардинально отличающегося от того, которое было сформировано во времена коммунистического режима. Тоталитарный режим, безусловно требовавший от людей покорности политической системе и тем самым, отрицая возможность гражданственности народа, поощрял видеть гражданское общество как от государства независимую область, имеющую возможность воспротивиться государству. Основной чертой гражданского общества была ее аполитичность, понимая политику в узком смысле как область деятельности институтов власти. В тогдашнем контексте автономность от традиционной политики была обязательной предпосылкой для оппозиционной деятельности граждан для перехода к демократии. Гражданское общество было сферой, в которой граждане могли защитить себя от тирании режима, достигать либерализации и демократизации общественных процессов. Но сегодня мы живем в другом политическом измерении. Противопоставление гражданского общества политическому обществу уже не может быть понято как средство для достижения большей эффективности демократических институций власти.

Ученные Института гражданского общества Литвы считают приемлемым определение гражданского общества как «арену, отдельную от семьи, рынка и государства, в которой люди самоорганизуются для коллективной деятельности в достижении общих целей» [2, с. 13]. Но в этом определении необходимо разглядеть несколько аспектов. Во-первых, это новый ракурс отношений гражданского общества с государством. Черты, которые связывают гражданское общество со сферой власти, это – публичность и достижение общего блага. Границы между этими сферами не являются четкими. Гражданское общество предоставляет возможность определять индивидов не только как статистические единицы, обладающие гражданством государства, имеющие право голосовать на выборах, но и как граждан, втянувшихся в процессы самоуправления. Более того, члены гражданского общества - это масса людей, имеющих чувство гражданского долга и ощущающих себя как политическую силу, сообщество. Это потенциал гражданской солидарности.

Существует ли такой потенциал в странах постсоветского пространства? И если да, то как помочь ему развиваться? Палитра ответов на эти вопросы в Литве дихотомическая. Пессимисты отвечают, что «социальность нашего общества подорвана», что в нашей жизни что-то «судьбоносно расстроено» [3, с. 52]. Оптимисты считают, что в Литве существуют жизненные ростки гражданского общества, которые необходимо опознать и создать условия для их роста. Но перед тем, как выяснить, какие социальные практики стоит стимулировать и пестовать, от чего зависит активность людей и способность организоваться, что может побудить действовать во благо общих целей, необходимо осмыслить, осталось ли у гражданского общества прежнее бытие с его негосударственной и аполитической сущностью.

Но если продолжать определять гражданское общество как продукт противостояния и толерантности общества и государства, то значит не видеть очень значительного стержневого момента в конструкции этого феномена. Речь идет о политической компоненте современного гражданского общества, которая является необходимой для взаимодействия его и государства. Эта компонента является необходимым условием для уменьшения упомянутой дистанции между гражданским обществом и государством. Более того, аполитичность гражданского общества была бы помехой для его саморазвития, а его политическая компонента является необходимым условием для равномерных взаимосвязей с государством.

Политическая компонента не должна выпадать из общего контекста даже тогда, когда мы подчеркиваем, что одной из важнейших черт гражданского общества явля-

ется умение мобилизоваться для общей деятельности и самим решать общие проблемы. В этом пространстве само организации важное место занимает и свойство политической ангажированности, т. е. желание и определенная имеющаяся потенция участвовать в процессе принятия решений и контролировать политическую власть. Другими словами, «гражданское общество является политически активным обществом» [1, с. 92]. А Свердиолас замечает, что «решение «я политикой не интересуюсь» отнюдь не выносит так решающего за пределы политического поля, потому что такого предела вообще не существует. Человек просто становится пассивным объектом игры, «мячом» [4, с. 22], а для гражданского общества это неприемлемо по той простой причине, что за этим стоит атомизация и разрушение общества.

Таким образом, основополагающая ось современного гражданского общества, или точнее, преобладающее современное аналитическое положение - эта неполитическая суть ее является ошибочной. Гражданское общество не может быть самообразованием частных индивидов, достигающих собственных целей. Оно натуральнее, чем старания государственного объединения этих индивидов. Но такое понятие гражданского общества предполагает недостатки консолидации общества и опасность его фрагментации. Можно прямо сказать, что мотив аполитичности гражданского общества сам себя ограничивает, призывая все общество не быть аполитичным. Значит, имеет смысл формулировать проблему политического содержания гражданского общества или проблему субполитики, т. е. формы негосударственной политики. Это значит, что смысл гражданского общества является и «дележ» функций, выполняемых государством. В связи с этим Р. Дарендорф отмечает: «Гражданское общество – это не частная игра интеллигентных дискуссий, в которой не участвуют институции власти, а может быть и игра, направленная против этих институций» [5, с. 65].

Словом, компоненты гражданского общества должны быть пополнены компонентой политического взаимодействия, которое является наиболее проблематичным. Это не имеет ничего общего с тотальной политизацией гражданского общества. Речь идет лишь об одном дополнительном его сегменте, а точнее, его «инкорпорации». А это означает, что «в гражданском обществе, кроме всего прочего, имеет смысл разглядеть «натуральный» политический консолидационный потенциал, в корне противоположный «искусственному» [6, с. 50]. Но и здесь мы, понимая смысл «искусственной» консолидации, обнаруживаем, что его основой толчок – скрыто политический. Автор его – государство. Для государства гражданское общество навсегда останется заветной целью.

Политичность гражданского общества не следует отождествлять с политичностью или публичностью этатизированного общества. Но было бы неправомерным рассоединить политику от повседневного и частного по той причине, что модернистские тенденции современной жизни меняют взгляд на политику, участие в политическом действии и его формы. Все перемешалось: политика, частные интересы, повседневность, технология политического выбора. Модернизированная повседневность уже не может «спрятать» частное бытие индивида от универсалий современности. В современном обществе частная жизнь есть только в абстракции, что еще раз убеждает нас о зыбкости границ пространств «политического» и «гражданского». Более того, может был бы правомерным вопрос: не выполняет ли гражданское общество той же самой политической функции, объединяя общую волю для созидания публичных ценностей и для гарантий их общественной доступности, только способом негосударственной организации?

Ученые и политики стран «старой демократии», да за ними и наши, связывают становление современного гражданского общества только с либеральной демократией, как современным необходимым условием для его возникновения и развития. Но данную тему на постсоветском пространстве пока можем обсуждать только на акаде-

мическом уровне как когда-то во второй половине XIX века в Германии обсуждался либерализм. Я в гостях у Вас и у наших друзей - поляков неоднократно говорила [7, с. 112-122, с. 169-174], что исторический спор идеологий незакончен, потому что на сцене истории все еще остается идеология классического либерализма, процветающая на постсоветском пространстве. Таким образом, сплоченность современного модернистского постматериального и информационного общества в странах Центральной и Восточной Европы потребует больше политических сил. Само создание гражданского общества напрямую связано с возникновением модернистского государства. Эти два феномена формируются и развиваются вместе как взаимосвязанные процессы трансформации общества и государства. Но такая позиция создает иллюзию «равновесия», якобы они равноправные партнеры. Лояльность, наверно, реальнее. Но оно может действовать как дисфункция по отношению к государству. Но гражданственность является антиподом только тотальной политизации общества.

Таким образом, в реконструкции понятия гражданского общества особое место принадлежит политической компоненте, которая открывает дополнительные перспективы в поиске методов трансформации потенциальных социальных сил человека в реальные социальные силы.

Литература

1. R. Žiliukaitė, A. Ramonaitė, L. Nevinskaitė, V. Beresnevičiūtė, Inga Vinogradnaitė. Neatrasta galia. Vilnius: Versus aureus, 2006.
2. L. Donskis. Be pykčio: vienerių metų minčių žemėlapis. Vilnius: Versus aureus. 2006.
3. A. Giddens. Modernybė ir asmens tapatumas. Asmuo ir visuomenė vėlyvosios modernybės amžiuje. Vilnius: Pradai, 2000.
4. A. Sverdiolas. Lėkštutėlė lėkštelė: keli dabartinės Lietuvos viešosios erdvės ypatumai. Vilnius: Versus aureus, 2006.
5. R. Dahrendorf. Modernusis socialinis konfliktas. Vilnius: Pradai, 1996.
6. V. Laurėnas. Pilietinės visuomenės sąvokos rekonstrukcija // Pilietinė visuomenė: politikos įpilietinimo projekcijos. Klaipėda: KU leidykla, 2006.
7. D. Eidukienė. Глобализация и проблемы национального государства / Kultura – gospodarka – kształcenie. Wybrane problemy państw Europy Politechnika Białostocka Rozprawy naukowe Nr. 133 – „Kultūra – gospodarka – kształcenie. Wybrane problemy państw Europy Środkowo-Wschodniej w dobie globalizacji”. Białystok: Dział Wydawnictw i Poligrafii Politechniki Białostockiej. – 2006; D. Eidukienė. Кризис современной демократии / Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. – Брест: издательство БрГТУ. – 2006.
8. J. L. Cohen, A. Arato. Civil Society and Political Theory. Cambridge: MIT Press, 1992; J. Keane. Civil Society: Old Images, New Visions. Stanford: Stanford University Press, 1998.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

А.И.Сытник

Луцкий государственный технический университет, г. Луцк, Украина

Для социально-политической жизни многих постсоветских стран характерными стали некоторые общие черты. Во-первых, противоречие между принципами национального строительства и демократизации. Главная государственная дилемма состоит в вопросе, что первично: национальная идея (формирование такого культурного климата, когда граждане государства субъективно идентифицируют себя с одной на-

92